

ЗУБОСКАЛЬ,
комическій альманахъ, въ двухъ частяхъ (въ 8-ю д. л.),
раздѣленныхъ на 12 выпусковъ,
отъ 3-хъ до 5-ти листовъ въ каждомъ,
и украшенныхъ политипажамъ.

Прежде всего просимъ васъ, господа благовоспитанные читатели нашего объявленія, не возмущаться и не возставать противъ такого страннаго, даже затѣйливаго, даже, быть-можетъ, неловко-затѣйливаго названія предлагаемаго вамъ альманаха... «Зубоскаль»!.. Мы и безъ того увѣрены, что многіе, даже и очень-многіе, отвергнутъ нашъ альманахъ единственно ради названія, ради заглавія; посмѣются надъ этимъ заглавіемъ, даже немного посердятъ на него, даже обидятся, назовутъ «Зубоскаль» анахронизмомъ, миѳомъ, пуффомъ и наконецъ признаютъ его чистою невозможностію. Главное же, назовутъ анахронизмомъ. «Какъ! Смѣяться въ нашъ вѣкъ, въ наше время, желѣзное, дѣловое время, денежное время, расчетливое время, полное таблицъ, цифръ и нулей всевозможнаго рода и вида? Да и надъ чѣмъ, прошу покорно, смѣяться вы будете? надъ кѣмъ смѣяться прикажете намъ? Какъ онъ будетъ, наконецъ, смѣяться, вашъ «Зубоскаль»? Можетъ ли, наконецъ, смѣяться вашъ «Зубоскаль»? Дѣйствительно ли имѣеть къ тому средства достаточныя? А если и точно имѣеть достаточныя средства, то зачѣмъ будетъ смѣяться?.. именно, вотъ зачѣмъ онъ будетъ смѣяться? Конечно — продолжаютъ они, враги «Зубоскала»: «конечно, смѣяться можно, смѣются всѣ, отъ-чего же не смѣяться? — но смѣются кстати, смѣются при случаѣ, смѣются съ достоинствомъ, — не попусту скалятъ зубы, какъ, вотъ здѣсь, изъ одного заглавія вашего явствуетъ — однимъ словомъ, извѣстно какъ смѣются... ну, отъ удачъ тамъ какихъ-нибудь смѣются... ну, надъ рѣзкостію какою-нибудь, выдающеюся изъ общаго уровня, — ну, наконецъ... какъ вамъ сказать?.. ну, за преферансомъ смѣются при счастіи, въ театрѣ смѣются, когда «Филатку» даютъ — вотъ надъ чѣмъ смѣются при случаѣ, только не такъ, какъ здѣсь, а съ достоинствомъ, съ приличіемъ, а не походя, не скалятъ по заказу зубы, не острятъ черезъ силу. Да и почему знать, не намѣреніе ли здѣсь какое скрывается» скажутъ въ заключеніе тѣ, которые любятъ во всемъ, что до нихъ не касается, видѣть намѣреніе, даже дурное намѣреніе: «не фальшь ли тутъ какая-нибудь; можетъ-быть, даже неблаговидный предлогъ къ чему-нибудь, можетъ-быть, даже вольнодумство какое-нибудь... гм! можетъ-быть, очень можетъ-быть, — при нынѣшнемъ направленіи особенно можетъ-быть. И наконецъ, грубое, немытое, площадное, нечесаное, мужицкое названіе такое — «Зубо-

скаль!» «Почему «Зубоскаль»? зачѣмъ «Зубоскаль»? Что доказываетъ именно «Зубоскаль?»»

Вотъ ужъ вы и осудили и обвинили, господа; обвинили не выслушавъ! Погодите, послушайте! мы вамъ объяснимъ, что такое Зубоскаль, долгомъ почтемъ прежде всего объяснить съ вами. И принявъ объясненіе наше, вы, смѣемъ увѣрить васъ, непременно перемѣните свое мнѣніе, можетъ-быть, даже съ улыбкою благоволенія встрѣтите Зубоскала, даже полюбите его, даже, какъ знать? можетъ-быть, будете уважать его. Да и какъ не полюбить его, господа! Зубоскаль — малой рѣдкій въ своемъ родѣ, единственный, — малой добрый, простой, незатѣйливый, и, главное, съ весьма-небольшими претензіями. Ради этого одного обстоятельства, что онъ человѣкъ безъ претензій, ради этого одного онъ уже достоинъ всякаго уваженія. Посмотрите, оглянитесь кругомъ, — кто теперь безъ претензій? А? видите ли? А онъ васъ не толкнетъ, не задѣнетъ, не затронетъ ни чьей амбиціи, и никого не попроситъ посторониться. У него только одно честолюбіе, одна лишь претензія — васъ посмѣшить подѣ часъ, господа. Впрочемъ, изъ этого одного еще не слѣдуетъ, что онъ такъ вотъ и взялся, подрядился высиживать для почтеннѣйшей публики на нѣмецкій ладъ усиленную остроту. Нѣтъ; онъ зубоскалитъ, когда хочетъ, когда чувствуетъ наклонность къ тому, призваніе; малой-то онъ такой, что за словомъ въ карманъ не полѣзетъ и для красиваго слова не пожалѣетъ первѣйшаго друга. Да ужъ, если на то пошло, такъ мы и расскажемъ вамъ, кто онъ именно такой нашъ Зубоскаль, черезъ какія дѣла перешелъ, какія дѣла совершилъ, что затѣваетъ онъ дѣлать — однимъ словомъ, обрисуетъ его вамъ съ головы до пятокъ, какъ говорится.

Представьте себѣ человѣка еще молодого, подбирающагося, впрочемъ, къ среднимъ годамъ, веселаго, бойкаго, радостнаго, шумливаго, игриваго, крикливаго, беззаботнаго, краснощекаго, кругленькаго, сытненькаго, такъ-что при взглядѣ на него рождаются аппетитъ, лицо улыбкою расширяется, и даже самый солидный человѣкъ, очерствѣлый на службѣ человѣкъ, проведеншій, на-примѣръ, цѣлое утро въ канцеляріи, проголодавшійся, жолчный, разсерженный, осипшій, охрипшій, и тотъ, спѣша на свой семейный обѣдъ, и тотъ, при взглядѣ на нашего героя, просвѣтлѣетъ душою и сознается, что можно весело — этакъ, на свѣтѣ пожить, и что свѣтъ не безъ радостей. Представьте же себѣ такого человѣка, — да! позабыли главное: мы расскажемъ вамъ вкратцѣ его біографію. Во-первыхъ, онъ родомъ, положимъ, Москвичъ, и прежде всего, непременно Москвичъ, т. е. размашистъ, рѣчистъ, всегда съ своей задушевною идеею, любить хорошо пообѣдать, поспорить, простоватъ, хитроватъ, словомъ, со всѣми принадлежностями добрейшаго малаго... Но воспитывался онъ въ Петербургѣ, непременно въ Петербургѣ, и можно рѣшительно сказать, что получилъ образованіе блестящее, современное. Впрочемъ, онъ прошелся вездѣ: онъ все знаетъ, все заучилъ и запомнилъ, все схватилъ, вездѣ былъ. Прикинулся-было сначала человѣкомъ военнымъ, понюхалъ потомъ и университетскихъ лекцій, узналъ даже, что дѣлается и въ Медицинской-Академіи, и, что грѣха таить, даже забрался-было и на Васильевскій-Островъ въ 4-ю линію, когда вдругъ ни съ того, ни съ сего увидѣлъ въ себѣ художника, когда наука и искусство поманили-было его золотымъ калачомъ. Впрочемъ, наука и искусство продолжались недолго, и герой нашъ, какъ водится, послѣ этого, засѣлъ въ канцелярію (нечего дѣлать!), гдѣ и пробылъ изрядное время, т. е.

ровно два мѣсяца, до самой той поры, въ которую, при неожиданномъ поворотѣ своихъ обстоятельствъ, очутился онъ вдругъ владѣтелемъ неограниченнымъ своей особы и своего состоянія. Съ той поры онъ, заложивъ руки въ карманы, ходитъ по-свистывая, и живетъ (извините, господа!) для себя-самого. Онъ можетъ-быть, единственный фланёръ, уродившійся на петербургской почвѣ. Онъ, какъ хотите, и молодой и уже не молодой человѣкъ. Много молодого опало, а новаго едва привилось да засохло. Остался лишь смѣхъ, — смѣхъ, впрочемъ, смѣемъ увѣрить васъ, совершенно-невинный, простой, беззаботный, ребяческій смѣхъ надъ всѣми, надъ всѣмъ. Да и виноватъ ли онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, что безпрерывно хочетъ смѣяться? виноватъ ли онъ, что тамъ, гдѣ вы видите дѣло серьёзное, строгое, онъ видитъ лишь шутку; въ вашихъ восторгахъ — свой Васильевскій-Островъ, въ вашихъ надеждахъ и стремленіяхъ — заблужденія, натяжку, чистый обманъ, въ вашемъ твердомъ пути — свою канцелярію, а въ вашей солидности — Варсонофья Петровича, своего бывшего начальника отдѣленія, весьма, впрочемъ, почтеннаго человѣка. Виноватъ ли онъ, что видитъ изнанку кулисъ, когда вы видите лишь одну ихъ сторону лицевую; виноватъ ли онъ, наконецъ, что весь, на-примѣръ, Петербургъ, съ его блескомъ и роскошью, громомъ и стукомъ, съ его безконечными типами, съ его безконечною дѣятельностью, задушевными стремленіями, съ его господами и сволочью, — глыбами грязи, какъ говоритъ Державинъ, позлащенной и непозлащенной, афферистами, книжниками, ростовщиками, магнитизёрами, мазуриками, мужиками и всякою всячиной — представляется ему безконечнымъ, великолѣпнымъ иллюстрированнымъ альманахомъ, который можно переглядывать лишь на досугѣ, отъ скуки, послѣ обѣда — зѣвнуть надъ нимъ, или улыбнуться надъ нимъ. Да; послѣ этого еще хорошо, что у нашего героя осталась способность смѣяться, зубоскалить!... По-крайней-мѣрѣ, еще есть хоть польза какая-нибудь. Нерегулярная жизнь, впрочемъ, начала ему сильно надоѣдать съ недавняго времени. Да и дѣйствительно, его такъ затормошили, растащили и употребляли во зло передъ публикою въ иныхъ романахъ, журналахъ, альманахахъ, фельетонахъ, газетахъ, что онъ серьёзно рѣшился быть теперь повоздержнѣе и дѣйствовать посолиднѣе... Для сей цѣли вздумалъ онъ было-явиться передъ публикою съ особою книжкою своихъ замѣтокъ, мемуаровъ, наблюдений, откровений, признаній и т. д., и т. д. Но такъ-какъ все черезъ-чуръ — значитъ нехстати, такъ-какъ самое лучшее блюдо въ чрезмѣрномъ количествѣ можетъ произвести индигестію, и такъ-какъ онъ самъ, наконецъ, врагъ несваренія желудка, то и рѣшился раздробить всю книжку на тетрадки... Матеріаловъ у него бездна; времени — дѣвать некуда. Мы говорили уже, что онъ нигдѣ не служитъ, незнакомъ ни съ какими департаментами, ни съ какими канцеляріями, вѣдомствами, правленіями и архивами, даже не употреблялся никогда ни по чьимъ порученіямъ. Онъ, какъ сказали мы выше, заклятой врагъ индигестіи. Прибавимъ еще, что онъ неутомимый ходокъ, наблюдатель, пронира, если понадобится, и знаетъ свой Петербургъ какъ свои десять пальцевъ. Вы его увидите всюду — и въ театрѣ, и у подъѣзда театра, и въ ложахъ, и за кулисами, и въ клубахъ, и на балахъ, и на выставкахъ, и на аукціонахъ, и на Невскомъ-Проспектѣ, и на литературныхъ собраніяхъ, и даже тамъ, гдѣ вы вовсе не ожидали бы увидѣть его, — въ самыхъ дальнѣйшихъ закоулкахъ и углахъ Петербурга. Онъ не брезгаетъ ничѣмъ. Онъ вездѣ съ своимъ карандашомъ и лорнетомъ и тонень-

кимъ сытненькимъ смѣхомъ. А вотъ и еще одно достоинство Зубоскала: первое дѣло и главнѣйшее дѣло у него — правда. Правда прежде всего. Зубоскаль будетъ отголоскомъ правды, трубою правды, будетъ стоять день и ночь за правду, будетъ ея оплотомъ, хранителемъ, и особенно теперь, когда, съ недавняго времени, правда ему страхъ-какъ понравилась. Впрочемъ, онъ иногда и привретъ; отъ-чего же не приврать? Онъ и привретъ иногда — но только умѣренно. Вѣдь со всѣми случается; всѣ любятъ приврать иногда; т. е. не приврать, — что мы! — обмолвились, но этакъ, знаете, сказать поцвѣтистѣе. Ну, вотъ и Зубоскаль точно также иногда что-нибудь тоже скажетъ метафорой, но за то если и совретъ, т. е. сметафоритъ, то сметафоритъ такъ, что будетъ совершенно похоже на правду, что выйдетъ не хуже иной правды, — вотъ будетъ какъ! А, впрочемъ, во всякомъ случаѣ будетъ за правду стоять, до послѣдней капли крови будетъ за правду стоять! Во-вторыхъ, Зубоскаль будетъ врагомъ всякихъ личностей, даже будетъ преслѣдовать личности. Такъ-что Иванъ Петровичъ, на-примѣръ, прочитавъ нашу книжку, вовсе не найдетъ совершенно ничего предосудительнаго на свой счетъ, а за то найдетъ, можетъ-быть, кое-что щекотливое, впрочемъ невинное, совершенно-невинное, о пріятелѣ и сослуживцѣ своемъ, Петрѣ Ивановичѣ, и обратно, Петръ Ивановичъ, читая ту же самую книжку, ровно ничего не найдетъ о себѣ, за то найдетъ кое-что объ Иванѣ Петровичѣ. Такимъ-образомъ, оба они будутъ рады, и обоимъ имъ будетъ крайне-весело. Ужь это такъ Зубоскаль устроить. Вотъ вы сами увидите, какъ онъ обдѣлаетъ подобное обстоятельство. И что всего удивительнѣе — самъ, на-примѣръ, Иванъ Петровичъ, первый закричитъ, что о немъ ровно нѣтъ ничего въ нашей книжкѣ, и что не только нѣтъ ничего похожего, но что даже и тѣни нѣтъ никакой! Что неприличнаго и злокачественнаго тамъ намека какого-нибудь — и намѣренія не было! А что, если есть что-нибудь, то единственно развѣ про Петра Ивановича. Вотъ будетъ какъ! — И такъ повторяемъ: правда прежде всего. Зубоскаль будетъ жить правдой, отстаивать правду, подвизаться за правду, и — чего, впрочемъ, Боже сохрани — если случится ему умереть — то онъ и умереть не иначе, какъ за правду! Да! не иначе, какъ за правду!

«Но, можетъ-быть, и послѣ всего, что мы сказали о характерѣ «Зубоскала», о привычкахъ его и наклонностяхъ, даже о самомъ поведеніи, кто-нибудь спроситъ еще

— каково же будетъ содержаніе нашей книги? чего должно надѣяться отъ нея, чего не надѣяться? На это лучшимъ отвѣтомъ можетъ служить первый выпускъ Зубоскала, долженствующій появиться не позже, какъ въ первой половинѣ ноября этого года. Но мы и теперь же готовы удовлетворить желаніе читателей. Повѣсти, рассказы, юмористическія стихотворенія, пародіи на извѣстные романы, драмы и стихотворенія, фізіологическія замѣтки, очерки литературныхъ, театральныхъ и всякихъ другихъ типовъ, достопримѣчательныя письма, записки, замѣтки о томъ, о семъ, анекдоты, пуфы и пр., и пр., все въ томъ же родѣ, то-есть въ томъ родѣ, который соотвѣтствуетъ нраву «Зубоскала» и кромѣ котораго ни къ какому другому роду онъ не чувствуетъ въ себѣ призванія. Таково будетъ содержаніе нашего альманаха. Нѣкоторыя статьи, по усмотрѣнію своему, «Зубоскаль» будетъ украшать политипажными рисунками, исполненіе которыхъ поручитъ лучшимъ петербургскимъ граверамъ и рисовальщикамъ, а когда книга окончится, именно при двѣнадцатомъ и послѣднемъ выпускѣ, выдастъ своимъ читателямъ великолѣпную иллюстрированную обертку, въ

которую и попросить читателей переплести его произведение. «Зубоскаль» считает нужным довести до свѣдѣнія публики, что у него заготовлено много хороших рисунковъ и разнообразныхъ статей, и потому онъ твердо увѣренъ, что разстояніе въ выходѣ выпусковъ книжекъ никакъ не будетъ продолжительнѣе четырехъ недѣль. Такимъ-образомъ, вся книга въ годъ будетъ непременно окончена.

Наконецъ, еще объ одномъ предметѣ... объ одномъ важномъ, щекотливомъ предметѣ... Зубоскаль такъ любитъ, такъ уважаетъ, такъ высоко цѣнитъ своихъ читателей... своихъ будущихъ читателей (у него будутъ, непременно будутъ читатели!), что готовъ бы даже давать книгу свою даромъ, не смотря на неизбѣжные расходы на печатаніе, бумагу, картинки — картинки, которыя у насъ достаются такъ трудно и дорого!.. Но во-первыхъ, принять подарокъ отъ него, отъ человѣка, у котораго такой чинъ, что онъ боится даже объявить, какой у него чинъ, чтобъ не лишиться уваженія читателей, отъ человѣка, который... ну, который, словомъ, ничего больше, какъ зубоскаль... не покажется ли обиднымъ даже одно такое предположеніе?.. А во-вторыхъ, есть и другая причина: какъ! давать книгу даромъ, въ нашъ вѣкъ, въ нашъ вѣкъ, какъ уже всякому извѣстно, положительный, меркантильный, желѣзный, денежный?.. Не вѣрнѣйшій ли это способъ уронить книгу, лишить ее читателей, которые бѣгутъ отъ всего, что имъ навязываютъ?.. Гдѣ же смыслъ? гдѣ тактъ?.. гдѣ, наконецъ, приличіе?.. гдѣ чувство собственнаго достоинства?.. Такія-то причины обуздываютъ великодушіе Зубоскала. Итакъ, по соображеніи издержекъ на изданіе, съ чувствомъ собственнаго достоинства, скрѣпя сердце, Зубоскаль объявляетъ, что онъ будетъ продавать себя по 1 руб. сер. за выпускъ, въ книжныхъ магазинахъ М. Ольхина, А. Иванова, П. Ратькова и Комп., А. Сорокина и другихъ петербургскихъ книгопродавцевъ. На пересылку прилагается за одинъ фунтъ.

Зубоскаль.